

ПЕРЕД ЛИЦОМ БОЛЬШОЙ БЕДЫ

Работа поэта должна сливаться с работой солдата. Русские поэты всегда были храбрыми на войне.

Александр ЯШИН

1

В творческой биографии Александра Яшина сталинградские страницы занимают особое место. Будучи связан дружескими отношениями со многими из местных литераторов (в том числе с Михаилом Лукоциным), Яшин неоднократно бывал здесь и в предвоенные, и в послевоенные годы. Но особым драматизмом и напряжением, глубоким общественным смыслом отмечены те дни и ночи писателя, когда он вместе со сталинградцами оказался «перед лицом большой беды».

Первый военный год Александр Яшин провел на Балтике, не упуская случая, по его выражению, «еще раз пережить всю остроту пребывания между жизнью и смертью». Творческим итогом этого года стали многочисленные стихотворения в газетах «Боевой записки», «Красный балтийский флот» и других флотских изданиях, а жизненным — острая форма туберкулеза. Это обстоятельство и заставило его просить о переводе в «теплые края», где у него были хорошие друзья: ставший в трудные для Сталинграда дни редактором областной партийной газеты Александр Гаврилович Филиппов¹, сотрудница «Сталинградской правды» Аня Рожавина, о семье которой Яшин трогательно заботился, находясь в ленинградском госпитале. На Балтику шли с Волги письма с вырезками яшинских

¹ Журналистская деятельность А. Г. Филиппова началась в 1931 году, в Саратове, в красной колхозной газете «Советская деревня», вместе с которой он переехал в Сталинград. В 1935 году, после прекращения издания «Советской деревни», он начал работать в «Сталинградской правде» сперва литсотрудником, заместителем заведующего отделом, заведующим отделом партийной жизни, секретарем редакции, а с декабря 1941 года редактором газеты. См. об этом: Голуб В. Редактор газеты в дни битвы Александр Филиппов. — Вечерний Волгоград, 1982, № 224 (824), 29 сентября.

стихов, публиковавшихся на страницах сталинградской газеты¹.

Летом 1942 года Александр Яшин был зачислен в Волжскую военную флотилию в штат политотдела инструктором по снабжению культпросветимуществом, а затем редактором газеты во вторую бригаду, находившуюся в Сталинграде.

Что представляло собою это воинское соединение? Волжская военная флотилия начала формироваться осенью 1941 года. Командующим флотилией в начале 1942 года был назначен контр-адмирал Д. Д. Рогачев. Яшин мог бы назвать его земляком: в прошлом Рогачев был балтийским матросом. К концу навигации 1942 года в состав Волжской военной флотилии входили 19 канонерских лодок, 29 бронекатеров, 62 катера-тральщика, 9 плавбатарей, 24 катера противовоздушной обороны и чуть больше полуглиссеров. Флотилия должна была обеспечивать перевозку с левого берега на правый войск, боеприпасов и продовольствия, поддерживать огнем воюющие части, срывать попытки врага по форсированию Волги, очищать волжский фарватер от мин.

С первых же дней начала Сталинградской битвы волжские краснофлотцы оказывали помощь войскам и в северной, и в южной части Сталинграда. Высокую оценку действиям флотилии дал командующий 62-й армией В. И. Чуйков: «О роли моряков этой флотилии, об их подвигах скажу кратко: если бы их не было, возможно, 62-я армия погибла бы без боеприпасов и продовольствия и не выполнила бы своей задачи».

По свидетельствам военных историков, за период военных действий под Сталинградом корабли Волжской военной флотилии доставили свыше 300 тысяч бойцов, эвакуировали до 300 тысяч жителей и 63 тысячи раненых, совершили через Волгу под непрерывными бомбежками и обстрелами свыше 35 тысяч рейсов. И это помимо непосредственного участия во фронтовых операциях, в десантировании на самых напряженных участках, в артиллерийских «дуэлях»,

¹ В разное время в 1941 году на страницах «Сталинградской правды» опубликованы «Детство» (№ 113 — 3932), «Поэт, боец» (№ 115 — 3934), «Слово охотника» с подзаголовком «Отрывок из поэмы» (№ 121 — 3940), «Пуговка» (№ 127 — 3946), «Моряки Ленинграду», «Тетерева», «Товарищи по окопу» (№ 301 — 4120) и другие стихотворения Александра Яшина.

которые не раз развевались между волжскими берегами.

Вот в каком соединении предстояло теперь служить Александру Яшину, о чем он, разумеется, еще едва ли мог догадываться, поскольку громкая боевая слава флотилии была еще впереди.

Политотдел волжской военной флотилии находился в Ульяновске. Отсюда, получив назначение, 10 августа на пароходе «Клим Ворошилов» писатель и отправился в Сталинград, в котором уже ощущалась тревожная фронтовая атмосфера. Чем ближе был город, тем медленнее становился ход «Клима Ворошилова». «Капитан наш бредет на тихом ходу, за буксиром с баржами,— записывал в дневнике А. Яшин на пути из Иловатки,— мин боится... Немцы здесь близко. Летают самолеты пачками»¹. Настроенный по-боевому молодой поэт работает над поэмами «Военный человек» и «Ленинградская поэма», пишет стихотворения «Мы с тобою разошлись», «Волга. Тихий плеск воды...», «Четвертый день в окопе лежу...» и другие.

Часто останавливаясь для перемаскировок (одна из остановок была, в частности, в Иловатке, где Яшину удалось искупаться), только 18 августа «Клим Ворошилов» прибыл в Сталинград, и Яшин сразу ринулся в редакцию «Сталинградской правды», заночевал в кабинете А. Г. Филиппова. Последующие четыре дня, до трагических 23 и 24 августа, писатель устраивал свои бытовые дела, встречаясь с войсковым начальством, с Аней Рожавиной, которая работала на строительстве оборонительных сооружений в районе хутора Елхи. Массированный налет фашистской авиации 23 августа застал его в центре города, пришлось отсиживаться и ночевать в бомбоубежище «Сталинградской правды». Он стал свидетелем уничтожения города: «К ночи весь город объяло жуткое пламя. Ветер. Немец бомбил ровно через четыре часа. После того, как весь город стал похож на вулканическую расплавленную лаву, думалось, что сейчас его оставят в покое. Нет, немец продолжал рвать этот огонь, бомбить берег, острова. На песчаную косу острова

¹ Яшин А. Дневники: 1941-1945.— М.: Сов. Россия, 1977, с. 102. В дальнейшем яшинские дневники цитируются по этому изданию.

была сброшена масса зажигалок. Они взрывались не сразу. Постепенно. Песок, и тот горел... Смотрел на пламя, думал: если кто не сгорит, то задохнется».

В поэме «Город гнева» Александр Яшин напишет об этом так:

Фугасные центнеры так рвались,
Как будто падали метеоры.
Деревья с насиженных мест снялись,
Железо и камни летели ввысь,
А люди скрывались в подвалы,
В норы.

Потом лихорадка огня прошла
По центру, по белым дворцам,
По бульварам,
Слепящая, взвихренная метла
Очистила берег реки догола
И все расширяла площадь пожара.

Сгорал тротуар —
Занималась грязь,
Кусты дотлевали —
Пляж дымился,
В сады, словно осень вдруг ворвалась,
Листья пожелтела,
Зола взвилась:
С началом пожара шторм разразился.

Очевидец Сталинградской трагедии, Яшин сумел найти очень точные детали, сделав многочисленные поэтические зарисовки. Впечатление от этого зрелища продолжало выплескиваться и позднее в многочисленных лирических стихах. Здесь картины и убегающей в степь в поисках спасения горячей еврейской девочки, и раненых, ползущих к Волге из гостиницы «Интурист», превращенной в госпиталь, и старика, лежащего на асфальте «с кровавой сединой на виске», который «и, мертвый, к борьбе не терял интереса», и множество других, от которых и по сей день содрогается сердце читателя...

2

Непосредственный начальник Яшина, дивизионный комиссар Вельский, отнесся к новому редактору газеты весьма благосклонно, разрешив ему заниматься «своим делом — поэзией». 26 августа, отпросившись у Вельского, Яшин переправился в Сталинград, чтобы разыскать Аню Рожавину, но выяснил,

что вместе с редакцией газеты она перебралась на левый берег. Вернувшись под бомбежкой в расположение Волжской военной флотилии, на следующий день Яшин начинает активно выполнять миссию фронтового журналиста и политработника. 28 августа он отправился на корабли во вторую бригаду, на плавбазу отдельной бригады траления, где 30 августа провел вечер встречи с офицерами и краснофлотцами, а затем перебрался на канонерскую лодку «Федосеенко», где 31 августа провел вторую встречу с воинами флотилии и начал работать над «Сталинградской поэмой» (так первоначально, по всей вероятности, называлась поэма «Город гнева»). Здесь же, на «Федосеенко», ему был вручен приказ о присвоении звания старшего политрука. На следующий день Яшин выступил на канлодке «Щорс». Там и заночевал: «Сидели до двенадцати часов ночи, читали стихи, разговаривали о Есенине, Маяковском, Шолохове и других писателях».

В начале сентября состоялись встречи с личным составом бронекатера номер 43 и канонерской лодки «Киров», а в дневнике появляется запись от 4 сентября, свидетельствующая о главном творческом «задании» Яшина этих дней: «Все пишу «Сталинградскую поэму» — «Город гнева». Уже прояснилось все до конца»¹. Дата эта очень важна для творческой истории поэмы: до этого момента замысел ее, видимо, продолжал еще вынашиваться.

На канлодке «Киров» Яшин выпустил стенгазету «Краснофлотец», в которой опубликовал одно из первых написанных на сталинградской земле стихотворений «Круши его, матушка Волга», которое вскоре — в октябре 1942 года — появилось в журналах «Новый мир» (им открывался десятый номер журнала) и «Краснофлотец»². Открыто публицистическое, призывно агитационное, оно звало краснофлотцев к мести и, воскрешая историю Царицына, рождало веру в победный исход битвы на Волге:

Зализав свои рваные раны,
Забывая о русском штыке,
Снова ринулись псы-басурманы
К нашей матушке Волге-реке.

¹ Яшин А. Дневники, с. 109.

² Стихотворение это не вошло в сборник Александра Яшина «Стихи о Сталинграде» (1944). Не включено оно и в его трехтомное собрание сочинений.

Так расправь на врага свои плечи,
Разожги свою ярость в груди.
Выходи к нему, Волга, навстречу.
На погибель ему выходи.

Врагу остается недолго
Шакалить в ковыльной степи.
Круши его, матушка Волга,
Руби его, жги и топи.
Боевое былое вспомняем,
За Царицын отчаянный бой.
Шли в атаку матросы-волжане
И всю Волгу вели за собой.
Вспомним всех — и родных, и знакомых,
Погребенных в приволжских степях,
И недремлющий путьман наркома
На кривых, на запасных путях.

Разбойничать немцу недолго,
На горло ему наступи.
Круши его, матушка Волга,
Руби его, жги и топи.

Расправляй широченные плечи,
Разжигай свою ярость в груди.
Выходи басурману навстречу,
Из своих берегов выходи.
Не дадим ему грабить и резать,
Заливные топтать берега,
Грянь на немца огнем и железом,
Волга, русская наша река.

Разбойничать немцу недолго,
На горло ему наступи.
Круши его, матушка Волга,
Руби его, жги и топи.

В эти же дни на канлодке «Киров» Яшин выступал перед колхозниками деревни Покровка, затем ездил на катере в Райгород, а вечером 9 сентября читал на наблюдательном пункте канлодки «Киров» (в селе Ушаковка) стихотворения «Шинель» и «Перебежчица». Написаны они были еще на Балтике в 1941 году, но «Перебежчица» сталинградскому читателю была уже знакома по январской публикации 1942 года в областной газете. Стихотворение это принадлежит к числу тех, которые сам поэт называл «крокодильскими» и в которых во всем блеске проявился сатирический талант Яшина:

Были мы в засаде вроде —
За передней линией.
Тишина. Курки на взводе.
Небо темно-синее.

В этой самой тишине
Сбоку от селения
На фашистской стороне

Поднялось смятение
Началось — не менее
Как столпотворение.

Пулеметы стали бить,
Минометы стали бить.
Мы гадаем:

— Не с ума ли
Немцы начали сходить?
По кому они палят?
Кто там в поле мечется?
Будто пыль,
Будто чад?..
С фланга вдруг нам кричат:
— Это «перебежчица»!

Не стреляйте, мол, своя!
Смотрим:

от селения
Скачет жирная свинья
К нашим укреплениям.

Будто в хлев от дождя,
Под свинцовым свистом,
Ног и жизни не шадя,
Мчится от фашистов.
И визжит, так визжит,
Аж земля вокруг дрожит.

Непалима, невредима
От фашистов из села
Полосой огня и дыма
К нам хавронья перешла.

Надо ль много говорить?
Нынче наши знают,
Что и свиньи с немцем жить
Больше не желают¹.

Пронизанное юмором, делающее серьезные выводы из комической ситуации, стихотворение это имело особый успех в солдатской аудитории, что сам поэт хорошо понимал и не раз читал матросам-волжанам.

Весь сентябрь Яшин много выступал перед краснофлотцами в разных местах южнее Сталинграда и много работал над поэмой, не забывая и о лирических стихотворениях. 13 сентября сдал в газету 51-й армии «Сын Отечества» стихотворения «Предатель», «Снайпер» и «Родина требует». Одно из них — «Снайпер», призывающее к стойкости и мести, от которых зависит исход кровавой битвы, через день было опубли-

¹ Сталинградская правда, 1942, 27 января.

ликовано. Оно не отличается особыми художественными достоинствами, но интересно как документ эпохи, как свидетельство духовного настроения самого поэта и его читателя, на активизацию действий которого и было рассчитано:

Четвертый день в окопе лежу,
За вражьем в лесу рубежом слежу,
От ветра дрожу,
От злости дрожу,
Но в немца все-таки пулю всажу.

Могут ли спокойно лежать и есть,
Коль враг продолжает наглеть и лезть.
Не знаю других желаний, как мечь,
За землю, за гордость ее и честь.

На черта жизнь, если враг живет,
Поля наши топчет, пшеницу жрет,
Бесчестит род мой,
Неволит народ,
А я отступлю — и меня убьет.

Нет, извергу жизни не уступлю,
Все страхи, все муки перетерплю,
Я буду жить,
Я немца — свалю —
Свинцом не достану — штыком заколю¹.

В начале двадцатых чисел сентября была завершена работа над первым вариантом поэмы «Город гнева». «Итак, поэму закончил, — записал Яшин в дневнике 23 сентября. — Начал писать ее 27 августа. Закончил 23 сентября. Завтра еще буду сидеть править, м. б., добавлю что-нибудь. Начал писать в автомашине главнокомандующего на левом берегу Волги. Закончил на «Туре». Писал даже в броневике по пути из Райгорода, в Ушаковке (НП), писал на «Федосеенко», «Кирове», на плавбазе ОБТ, в Солонниках, в Черном Яру, в Никольском»². 25 сентября состоялась первая читка поэмы на «Туре»: «Слушали с исключительным напряжением. Говорят — очень правдиво, словно мы все заново увидели». Позднее продолжалась доработка поэмы и ее чтение на других судах флотилии, журналистам местных газет и корреспондентам «Правды» Куприну и Акульшину, которые хотели взять ее для своей газеты. А в сере-

¹ Сын отечества, 1942, № 241 (361), 15 сентября.

² Яшин А. Дневники, с. 117.

дине октября поэма появилась в газете «Сталинское знамя» и «Сталинградской правде»: «Я сразу ожил. Легче стало дышать».

Вдохновленный публикацией поэмы и ее успехом среди краснофлотцев, Яшин принял решение «снова писать ежедневно». В течение октября он завершил работу над стихотворением «Телеграмма», дописал стихотворение «Волга — Балтике», передал для «Красного флота» частушки «Волга-матушка-река» и песню «Круши его, матушка Волга», отправил с Вельским новый вариант поэмы в Москву, задумал новую поэму о моряке, который «в море ни разу не был. Он сейчас командир канлодки»¹.

Однако не следует думать, что жизнь писателя проходила в безмятежном творческом труде. Корабли Волжской флотилии все активнее включались в военные действия, задерживая своим огнем сухопутные войска. Об этом свидетельствует запись в дневнике Яшина: «На «Усыскине» носовая пушка уже вышла из строя. Получилось раздутие в стволе: вместо 800 снарядов по норме она выпустила 925 снарядов. Нарезки у кормового орудия тоже крошатся — оно выпустило уже 1275 снарядов». Помимо многочисленных выступлений перед воинами (зачастую по нескольку в день), Яшин не упускает случая, чтобы принять участие в боевых операциях кораблей.

29 октября ему было разрешено участвовать в операции по высадке десанта на южную оконечность Латошинки на бронекатере № 23. Но операцию отложили, и Яшин пошел с этим бронекатером «на обычную операцию по перевозке грузов, войск, раненых» в район Рынка. И вот дневниковая запись от 30 октября: «Узнали, что катер 74 Таранова (на котором предполагался выход Яшина — В. С.) сгорел от трех прямых попаданий напротив «Красного Октября». Мы с Ананьиним (старший политрук из газеты «Красный флот» — В. С.) сошли с этого катера в последнее

¹ Яшин А. Дневники, с. 123. Поэма эта так и не была написана, но фрагментом ее можно считать, по всей вероятности, стихотворение «Моряк», начальные строки которого переключаются с дневниковой записью:

Он в море ни разу не был,
А все зовут моряком,
Он с волжской водой и небом
Со школьной скамьи знаком.

мгновение на двадцать третий. Есть убитые и раненые. Интересно, что было бы с нами»¹.

«Интересно...» — и только. Спокойные слова привыкшего ко всяким неожиданностям солдата.

Еще одна дневниковая запись, очень показательная для понимания настроения поэта-фронтовика:

«Снова иду в операцию с бронекатерами. Сегодня, думаю, состоится высадка десанта. Работа поэта должна сливаться с работой солдата. Русские поэты всегда были храбрыми на войне. Возможно, эти выходы дадут начальству повод отметить и агитаторскую поэтическую мою работу. По крайней мере, — искренне признается писатель, — мне так хочется»².

Придавая самое серьезное значение своей деятельности политработника и не отделяя ее от боевой, Александр Яшин очень хотел, чтобы именно она была оценена по заслугам, оценена как и его личный вклад в дело разгрома врага. Об этом свидетельствует и сохранившаяся в архиве преподавательницы литинститута Славы Владимировны Шириной письмо Яшина от 15 февраля 1943 года, связанное с его деятельностью на Сталинградском фронте. Вот строки из него: «На днях пошлю тебе поэму в газете «Сталинградская правда». Поэма несовершенна, особенно теперь, когда бои на Волге закончились. Но тогда она была нужна. Ее печатали во фронтовых газетах. Газета Сталинградского фронта «Сталинское знамя» давала ее в четырех номерах подряд.

...За Сталинград мне дали медаль «За боевые заслуги». Представили к ордену... Боевая характеристика составлена была очень лестная для меня (меня с нею познакомили по секрету уже после награждения). Это приятное словосочетание. Хотя к поэзии это награждение, конечно, не имеет никакого отношения. За стихи меня наградят после войны, а медальку эту я получил как политработник, как агитатор и боец»³.

3

Можно много рассказывать о трудных, но полных творческого вдохновения сталинградских днях жизни

¹ Яшин А. Дневники, с. 126.

² Там же, с. 127.

³ Воспоминания о Литинституте. — М.: Сов. писатель, 1983. с. 162.

Александра Яшина. Красноречиво говорят о них и скупые строки яшинского рапорта в политотделе Волжской военной флотилии в связи с переходом по состоянию здоровья на Черноморский флот:

«В августе 1940 года прибыл в Сталинград — до начала боев — и находился на кораблях и в частях флотилии до декабря 1942 года, до ледостава, в качестве политработника и поэта. Вместе с капитаном Петровым выполнял специальные задания начальника ПО ВВФ на кораблях и в подразделениях морской пехоты.

Большую часть времени был на «Усыскине», с бронекатерами ходил в операции по переброске снарядов группе войск Горохова на правом берегу.

В августе-сентябре написал поэму «Город гнева», которая в октябре печаталась в газетах Сталинградского фронта — «Сталинское знамя», в четырех номерах подряд, в «Сталинградской правде» и отрывками в газете «За родную Волгу». В газете «За родную Волгу», в газетах Сталинградского фронта, в «Сталинградской правде» и в центральных газетах и журналах — «Красный флот», «Краснофлотец», «Новый мир», «Огонек», «Смена», «Комсомольская правда» и др. — напечатал за этот период около 70 стихотворений. Надо сказать, что многие из них имели, как это и бывает в таких случаях, характер эпизодический и в сборники мои не вошли. Написал тексты песен: «Круши его, матушка Волга», переложенной на музыку композитором Двейриным, и «Песню канонерок» для канлодки «Усыскин» по просьбе личного состава¹.

Весть о капитуляции фашистских войск под Сталинградом застала Александра Яшина в Ульяновске. Однако оперативный поэтический отклик на победу на Волге не заставил себя ждать. Уже в майском номере журнала «Краснофлотец» появилось яшинское стихотворение «Слава Сталинграду», пронизанное гордостью за два советских города, не сдавшихся врагам:

В ярости неприступны,
мужественны в беде,
Дышат одним дыханьем,
оба стоят на воде.
И нет на свете прочнее
дружбы их и родства:

¹ Яшин А. Дневники, с. 151.

Навеки их побратала
сама родная Москва.

На Балтике и на Волге
большая ходит волна,
И там, и здесь для фашистов
вода равно солона.
На Балтике и на Волге
военные моряки —
Точны их мощные залпы,
отточены их штыки.

Балтика, слушай Волгу!
Вот вам наша рука:
Нигде мы не уроним
звание моряка.
В великой волжской победе
видна и морская рука.
Слава о Сталинграде
будет греметь века.

Многое из написанного Александром Яшиным на волжской земле вошло в сборники «Стихи о Сталинграде» (Сталинград, 1944)¹ и «Клятва» (Челябинск, 1945).

Многое же, по его собственному признанию, осталось на страницах различных периодических изданий и буквально нуждается в извлечении для создания полной картины творческого развития Яшина.

Его стихи, родившиеся в горниле Сталинградской битвы, многообразны по тематике и эмоциональной гамме чувств. Но главное, о чем пишет поэт, — это ратная матросская дружба, морские законы которой «живут и на пресных водах». Эпиграфом к циклу волжских стихов А. Яшина могла бы стать строчка «Людам в черных бушлатах даны большие сердца» из баллады «Это было на Волге». Поэт рассказывает о матросской взаимовыручке с риском для собственной жизни, о матросском сердце седого контр-адмирала, вставшего за штурвал катера, «когда рвалась броня

¹ В предисловии к этому сборнику секретарь Сталинградского обкома партии А. С. Чуянов писал: «Художественные достоинства стихов различны. Некоторые из них поэтически недостаточно «вызрели», но нам, свидетелям и участникам героической Сталинградской эпопеи, эти стихи близки и дороги как свидетельство дум и чаяний защитников родного города, поклявшихся умереть, но не сдать Сталинград врагу... Эти стихи помогут воскресить величественную эпопею Сталинграда, образы наших славных героев, их боевой дух, силу и отвагу, величие и благородство их подвигов».

стальная» («Контр-адмирал»), о мужестве любимой, выносящей под бомбами больных из огня.

Почти каждое яшинское стихотворение этой поры, будь то, к примеру, «Флаг», «Триста моряков» или «Это было на Волге», восходит к определенному факту, представляя собою неразвернутый репортаж, а собранные вместе — поэтическую хронику волжской победы. Стихи Яшина документальны не только по эмоциональным состояниям и лирическому пафосу, характерному для военного времени, но и по той этической основе, которая обычно становится ядром лирического высказывания или публицистического осмысления и призыва. И в этом своеобразная черта не только лирики Яшина военных лет, но и всей фронтовой поэзии. Она вызывала сопереживание писателя не только передачей эмоционального мира лирического героя, но и самим фактом, который взбудоражил, всколыхнул этот мир, заставил поэта взяться за перо.

Вот, к примеру, стихотворение «Это было на Волге», которое написано в форме неспешного репортажа с места события и в котором, видимо, ради усиления этой репортажности и документализации поэт отказался даже от рифмы, придающей репортажу неизбежный оттенок условности:

Это было на Волге, на великой русской реке:
Немцы с берега, с кручи подбили наш бронекатер,
И его по течению к вражеским рубежам
Понесло, колыхая, как раненого баклана.

А чудес не бывает даже среди моряков.
В Волгу вытек бензин, вода заливала отсеки.
Остывали моторы, как стынут в степи мертвецы.
И река вспять не шла. Надвигался вражеский берег.

В подобном ключе повествование продолжается до финала, в котором голос лирического героя, пораженного подвигом моряков, совершенно органично перерастает в поэтический гимн ратной дружбе, дающей силу борющейся стране:

Глубока наша Волга — истоки ее широки,
Ратной дружбой крепка благородная наша держава.
Что бы стало с рекой, не струись в нее ручейки,
Что бы стало без дружбы с военною нашею славой.

Репортажностью, которая неотделима от хроникальности, пронизано и стихотворение «Триста моряков». Здесь подвиг моряков дается на фоне репортажа

о самых главных событиях Сталинградской битвы: о подходе на помощь городу сибирской дивизии, о переправе войск Родимцева, помогших удержать Сталинград в одну из самых критических минут его обороны. И эта историческая картина, документирующая повествование, придает особую весомость и эмоциональную напряженность подвигу отряда моряков:

А той порой, в поту и в пыли,
Из чаш и трущоб еловых
С полковником Гуртьевым к Волге шли
Сибирские звероловы.

Родимцев гвардейские вел полки
От Ахтубы к переправе,
Гороховцы шли — на весу штыки —
К победной, гвардейской славе.

И город все ощутимей крепчал,
Упорство его нарастало,
Тогда уж он в бессмертье вступал,
Тогда уже немец страшиться стал
Его площадей и кварталов.

«В своих лучших стихах военного времени,— отмечает А. Рулева,— Яшин достигает большой выразительности и силы, когда возвращается в воспоминаниях к родной земле. Война подчеркнула ценность мирной жизни, обострила любовь к тому, что казалось привычным, естественным, данным навсегда. Пожалуй, в поэтическом утверждении ценности мирной жизни и была основная заслуга военной поэзии Александра Яшина»¹.

Показывая спокойную, полную рабочего достоинства жизнь фронтового города, в котором даже «броня горит, как тесина», А. Яшин уверенно заявляет, что «здесь устоим, хотя б довелось против всей вселенной» («Во фронтовом городе»). Однако оптимизм и мажорные интонации лирического героя А. Яшина осложнены элегическими мотивами от щемящих сердце картин сломанной жизни людей, вынужденных покидать родные гнездовья. И произвольно рождаются грустные ассоциации между осенними кочевьями птиц и устремившимися на восток людьми:

Крики людские птичьих грустней,
Слезы не высыхают.
Птицы вернутся домой по весне,
Люди — когда? — не знают.

¹ Рулева А. Александр Яшин. Личность. Поэт. Прозаик. Л.: Худож. литература, 1980, с. 39.

Долго, до смерти забыть не смогу
Ветер сырой, осенний,
Крик журавлей
И на берегу
Осиротевшие семьи.

«Листья осенние шелестят...»¹

Фронтвая лирика А. Яшина интересна тем, что его лирический герой реагирует не только на окружающую обстановку, в значительной мере общую для поэтов-фронтовиков, но и на те сдвиги, которые происходят в его сознании, психологии, интимном мире:

Стали мы вдвойне любить
Каждый холмик родины,
Паутины тонкой нить
На кустах смородины.
На болотах кожуру
Ягоды несобранной,
Щучью стрелку на юру,
Воздух, смолью сдобренный.

«Нынче наши нелады...»

Стихотворение это — яркое свидетельство того, что Яшин-фронтовик остался верен тем чертам и тенденциям, которые сформировались в его поэзии в предвоенные годы. «Муза Яшина,— справедливо пишет А. Михайлов,— сменила облачение, сменила просторную деревенскую рубаху на бушлат, но и здесь, на смертных рубежах войны, она не потеряла своего крестьянского обличья»². Лирический герой Яшина не утрачивает своей крестьянской основательности и искренности, но вместе с тем продолжает стремительно, под стать стремительным событиям, развиваться.

Зачастую Яшин-поэт намечает весьма плодотворные пути лирического освоения действительности, перспективность которых будет осознана лишь спустя значительное время. Его лирический герой не стыдится признаться в том, о чем некоторые поэты-фронтовики предпочитали умалчивать, дабы не дразнить ортодоксально-патриотическую критику. Он не стыдится признаться в собственных слабостях, которые, как думалось когда-то, не могут быть свойственны воину-освободителю. А ведь ему, при всем его мужестве и геро-

¹ В сборнике «Стихотворения и поэмы» (Архангельск, 1948) это стихотворение опубликовано под названием «Осень в Сталинграде».

² Михайлов А. Александр Яшин. М.: Сов. Россия, 1975, с. 22.

изме, тоже страстно хотелось жить, как и герою яшинского стихотворения «Атака», написанного на берегах Волги:

Да, он в боях держался смело,
Но каждый раз, как в первый раз,
В нем все сжималось, холодело,
Лишь наступал сраженья час.

По травам вверх от переправы
Неслась в огонь морская часть.
И, прыгая через канавы,
Он думал только:
«Не упасть!»

Все проплывало, как в тумане,
Порой рвалась сознания нить.
Узнав фашиста на кургане,
Он думал об одном:
«Убить!»

И, раньше всех прорвавшись к цели,
Два диска в схватке разрядив,
Он в теплый мох у старой ели
Упал и вслух промолвил:
— Жив!

Психологизм советской поэзии рождался и здесь, в огне Сталинградской битвы. В стихотворении А. Яшина в «стяженном» виде представлена, если угодно, вся «диалектика души» бойца в пограничной — между жизнью и смертью — ситуации, когда не до велеречивых раздумий, когда весь психологический процесс заключен в одном коротком, как выстрел, слове: «Не упасть!» «Убить!», «Жив!».

4

Особого разговора заслуживает поэма Яшина «Город гнева». Если «Дни и ночи» Симонова — первая повесть о Сталинградской битве, то «Город гнева» — первая поэма о ней.

Как уже говорилось, первоначальный вариант поэмы, который еще, пожалуй, в течение полугода обрастал дополнениями, вставками, проходил строгую поэтическую редактуру, был предложен для публикации в конце сентября. Соблюдая служебную субординацию, 30 сентября 1942 года в Средней Ахтубе Яшин отдал поэму начальнику отдела агитации и пропаганды политуправления Северо-Восточного фронта

бригадному комиссару Чекалину, который должен был решать ее судьбу. Поэма не смогла в полной мере удовлетворить вкус начальства. Бригадный комиссар заметил, что первая часть, в которой рассказывается о трагедии гибнущего под фашистскими бомбами города, «мрачна» (упрек, который, увы, в это время доводилось слышать не одному Яшину), и посоветовал «дать во вступлении картину города, заводов и начала боев на подступах к нему», показать, «как готовились к обороне народ, партия»¹.

В этот же день состоялось обсуждение поэмы «Город гнева» в редакции газеты Юго-Западного фронта «Сталинское знамя», в здании Среднеахтубинского райкома партии. Марк Колосов, писатель при газете «Сталинское знамя» (существовала в те времена и такая должность), знавший Александра Яшина с 1928 года, сказал, что он «вырос за время войны как хороший большой поэт... Поэма прочувствована. Печатать сейчас же, сдавать на вооружение Красной Армии». Как удачные М. Колосов отметил образы девушек, профессора с бородой, недостаток же поэмы видел в растянутости ужасов и посоветовал «усилить образы обкомовцев, моряков».

Другой сотрудник газеты Зиновий Кац обратил внимание автора поэмы на то, что человеческое несчастье в ней «изображено в полную меру, героическая сторона — меньше», а также на налет фельетонности в сцене купающихся немцев, списанной, кстати, с действительности: о ней Яшину рассказали 28 августа моряки с канонерской лодки «Усыскин». Редактор газеты тоже поддержал поэта: «Поэма дошла, дошла до души, особенно все пережитое городом», посоветовав «уменьшить страхи» и убрать некоторые эпизодические образы.

В письме к автору этой публикации Марк Борисович Колосов вспоминает: «Александра Яшина я знал с лета 1928 года. Довелось тогда приехать из Москвы в Устюг — уездный город Вологодской губернии, проводить конференцию молодых писателей. В своем выступлении отметил талант самого молодого участника той конференции — пятнадцатилетнего Саша Яшина. Он в том году впервые начал печататься в газете. У меня сохранился групповой фотоснимок,

¹ Яшин А. Дневники, с. 119.

где сфотографирован в профиль коротко остриженный паренек в плотно облегающей его стройную фигуру блузе. Лицо выразительное, одухотворенное, с правильными тонкими чертами. Встречаясь потом в тридцатых годах, когда он стал студентом литературного института, мы вспоминали эту конференцию и этот снимок.

Под Сталинградом встретились так: я был военным писателем фронтовой газеты «Сталинское знамя», а он — сотрудником газеты речной флотилии, с которой прибыл на Сталинградский фронт.

Жил он на корабле, а у меня ночевал, когда приезжал в Среднюю Ахтубу, где находилась фронтовая газета.

Тут я должен сказать, что Яшин, сразу попав в тяжелую обстановку Сталинградской битвы, был бодр духом, полон оптимизма, жизненной энергии, творческого горения, веры в победу. Ведь еще не началось тогда наше наступление, а продолжались мучительные дни героической стойкости и мужества защитников города.

Ночью он читал мне свою поэму «Город гнева», которую я слушал с большим волнением как значительное произведение советской поэзии. Было от радно сознавать, что высказанная мною в двадцать восьмом году надежда на судьбу молодого таланта оправдалась с честью в самое трудное для нашей Родины время.

На другой день я принял деятельное участие в судьбе поэмы, в ее опубликовании на страницах фронтовой газеты. С этой целью состоялось ее обсуждение в редакционном коллективе, где я высказал свое мнение о ней».

Но поэма дорабатывалась и после рекомендации ее к изданию. В начале октября были дописаны новые строфы, а 7 октября А. Яшин повез доработанный текст поэмы в редакцию «Сталинградской правды», которая находилась тогда в слободе Николаевской, напротив Камышина.

А вот что написал о своей дружбе с Яшиным и о днях фронтовой службы Александр Гаврилович Филиппов, редактировавший в то время «Сталинградскую правду».

«С Александром Яшиным мы учились вместе в литературном институте. Саша был на курс старше. Уже

в институте он оформился как поэт. Причем был лидером. Родом из Вологды, со своеобразной речевой культурой, он был очень привязан к родному краю. Писал стихи о Вологде, любви, дружбе, человеческих отношениях — первоначально он определялся как поэт лирического склада.

Потом мы разъехались. Саша остался в Москве, а я стал редактором «Сталинградской правды». До войны он очень часто приезжал в Сталинград. Город его привлекал и своим героическим прошлым (оборона Царицына) и настоящим (детище первых пятилеток Сталинградский тракторный завод был гордостью страны). И потом личные связи тоже играли большую роль.

Приезжали вместе с Мишей Лукониным. Мы устраивали литературные вечера, и всегда собиралось много слушателей. Я обычно председательствовал, так как был первым секретарем писательской организации.

Уже тогда, на заре складывания, Яшин представлял как поэт новаторской формы. В то время было много литературных штампов. Но нельзя писать под Пушкина! Поиск новаторских форм неизбежен. С болью Яшин говорил, что наши предшественники больше искали. Ему по духу был Сельвинский, Маяковского любил всего. У него, он говорил, поиск формы не ради формы, а ради наиболее удачного выражения мыслей, стремлений. Любил у Маяковского и чугунную — с надрывом — лирику, и эпические произведения.

Сам Саша был человек ранимой души, и поэзия его — с душевным надломом. Поэтому его стремление искать новаторские формы, преклонение перед теми, кто искал и рисковал, — одна из характерных черт его еще студента. И он один из немногих студентов позволял себе не соглашаться с маститыми поэтами.

В Саше уживались удивительные качества — неутомимая, грызущая душу тоска по новым формам. И одновременно он считал, что поэзия должна быть совершенно ясной, прозрачной, нельзя превращать стихи в алгебраическую задачу.

Много встреч у нас с Яшиным было во время Сталинградской битвы. Он был капитан-лейтенантом Волжской военной флотилии. Как сейчас помню, заходит он в редакцию — синяя тужурка, черные брюки, кортик — и своим окающим говорком говорит:

— Хочу тебе показать.— Вытаскивает из планшетки тетрадку, там было не менее 500 строк. Это была поэма «Город гнева».

Я был потрясен. Как в боевых условиях, на военном корабле, урывками между боями, Саша создал это произведение? Это был подвиг.

Конечно, с позиции сегодняшнего дня в стилевом отношении поэма, может быть, не очень ровная. Но эта стилевая разнохарактерность компенсировалась высокой искренностью, эмоциональностью, взволнованностью и ненавистью к врагу. Все компоненты слились как бы в одну симфонию.

Печатали мы поэму в 2 номерах «Сталинградской правды», в условиях фронтовых. Ручной набор. В то время основная полиграфическая база уже сгорела. И несмотря на то, что мы старались избегать публикации длинных произведений (газета — для солдат, в основном были короткие боевые заметки), поэму «Город гнева» необходимо было напечатать полностью!»

Отмеченная А. Г. Филипповым потребность Яшина в поиске новых художественных форм сказалась и в поэме «Город гнева». И та «стилевая разнохарактерность», которая была воспринята редактором «Сталинградской правды» как ее недостаток, шла от этого же, от стремления к интонационному многообразию в крупном лироэпическом произведении, которое должно было передать многообразие самого жизненного материала, врывавшегося — зачастую помимо воли автора — в произведение, ту вынужденную «разностильность» жизни, которую рождала война, тот сплав лирики и эпоса, публицистики и документалистики, который стал характерной чертой не только поэзии Яшина, но всего фронтового поколения.

В предисловии к отдельному изданию поэмы 1943 года, вышедшей с подзаголовком «Сталинградские эпизоды», который в какой-то мере должен был смягчить возможные упреки в отсутствии в ней цельности и мотивировать «открытость» композиции, позволявшей Яшину и позднее заниматься «перемонтировкой» эпизодов, он писал: «...Создание поэмы, достойной грандиозной Сталинградской битвы,— дело времени. Весьма возможно, что такую поэму напишет человек, не принимавший непосредственного участия в боях за волжскую твердыню, но он в своей

работе не сможет обойтись без воспоминаний участников и свидетелей Сталинградской эпопеи.

Автор надеется, что зарисовки, сделанные им в ходе боев, сыграют свою роль как живое свидетельство великолепного мужества моряков Волжской военной флотилии и бойцов Сталинградского фронта».

Отмечая «вспомогательный» характер своей поэмы для будущих художественных летописцев боев за волжскую твердыню, обращая внимание на ее зарисовочность и мемуарность, Яшин отнюдь не считал ее «недостойной» Сталинградской битвы. Это был его самый крупный замысел фронтовых лет, осуществлению которого он уделял много сил, времени и нервов, замысел, во всех вариантах пронизанный цельностью сюжета, основу которого составляет мысль о нестигаемом мужестве города и каждого, причастного к его защите.

Художественная структура поэмы в значительной мере повторяет структуру лирических стихотворений Яшина этих лет, состоящих из близкого к документалистике эпизода и его лирической или публицистической оценки. По своей установке на документальность поэма напоминает художественно-документальную повесть или стихотворный репортаж, что было обусловлено необходимостью агитационно-пропагандистского воздействия и пониманием роли документального факта в этом воздействии.

«Война,— писал Константин Симонов,— ежедневная опасность рождает в людях доверие и дружбу. Человека, бывшего с ними в бою, подвергавшегося одинаковой с ними опасности, люди на второй день называют другом. Но в то же время война, смерть, которая все время рядом с тобой, все ощущения, с этим связанные, делают невозможной неправду. Правда, только правда об их жизни, об их радостном и их тяжелом, их веселье и их грусти,— вот то, чего они прежде всего требуют от поэта. Ничего не приглаживать, не причесывать, не изображать в ненужном розовом свете; ничего не обходить молчанием — так должен работать поэт, пишущий о войне»¹. Так и работал Александр Яшин, которому, конечно, не в удовольствие было слушать замечания о преувеличении ужасов и страхов.

¹ Симонов К. Сегодня и давно, с. 164.

Установка на документальность сквозит не только в описаниях бед, обрушившихся на город, не только в картинах, изображающих, как мирный Сталинград готовится к отпору врагу, не только в батальных сценах, в которых фигурируют подлинные имена защитников волжской твердыни, но и в образе лирического героя, неделимыми узами связанного общим делом с воинами, отстаивающими город. И отсвет их мужества делает более убедительными и авторские комментарии, и его заверения в неизбежности победы на Волге:

Горели кварталы — писать не могу...
Пять суток свистело на берегу.
Но нет, это в наших сердцах горело.
Один элеватор спалить не могла
Проклятая сила.
Поутру, с рассветом,
Среди обгоревших домов и веток
Он проступал сквозь дым, как скала,
Как символ наших пятилеток,
Стоял и сверкал,
А кругом горит.
Стоял он, и страх ему был неведом.
Нас к ярости звал его гордый вид.
Поднимемся утром, кричим:
— Стоит!
Стоит
И будет стоять до победы!

Эта уверенность рождается еще и оттого, что автор постоянно «просвечивает» современность историей, показывая исторические истоки мужества сталинградцев, наследующих героический опыт защитников Царицына:

Ленин в восемнадцатом году
Посылал в Царицын телеграммы:
— Действуйте!
Снаряды подойдут.
Изнауряйте белую орду —
Наше торжество не за горами.
Действовали красные полки.
Штыковые схватки не стихали,
Делали свое броневики,
Бронепоезд шел в Чапурники,
Там стальной дивизии клинки,
Грозные, в тылу врага сверкали.
От Сарепты степью на Гумрак
Линия окопов проходила.
Черной кровью обливался враг.
Ни на пядь отсюда, ни на шаг
Сталинградцев рать не отступила.
Ленин в девятнадцатом году

Чтоб перейти реку,
В щелях лежала подолгу,
Ползла, таща кошелку
С продуктами по песку.
Но вышла на берег и вздрогнула,
Глянула из-под руки,
С ужасом лоб потрогала:
Не было реки.
Стоном строку эту выстони,
Помню девичий взгляд:
Раненые на пристани,
А пристани горят.

И девушка нашла в себе мужество прийти на помощь раненым, подняться с земли, выпрямиться во имя защиты родного города, во имя его победы:

Нигде.
Никогда.
Не забыть,
Даже у гибели на краю,
Как девушка эта шла,
Как вскрикнула,
Подняла
Голову свою —
Мне никогда не забыть,
Так люди идут победить
Иль умереть в бою.

Образ этой «выпрямившейся» девушки вырастает до символа, очень созвучного тому, который глядит на нас с Мамаева кургана...

Нет, первая поэма о Сталинградской битве явно недооценена советской критикой. Она нуждается во внимательном исследовательском прочтении, в воссоздании ее творческой истории, в установлении канонического текста, отвечающего окончательной воле автора, а не в расщеплении цельного поэтического организма на произвольно публикуемые отрывки...

После завершения битвы на Волге Александр Яшин еще не раз побывает в «городе гнева» (19 февраля 1943 года здесь будет ему вручена медаль «За оборону Сталинграда»), а эхо Сталинграда еще долго будет звучать в его поэзии, «озвучивая» лирику мирного времени воспоминаниями о днях большой беды.

Источник: Смирнов В. Б. Перед лицом большой беды : [об участии А. Яшина в обороне Сталинграда, его фронтовой лирике] / В. Смирнов // Будни волжской победы / В. Смирнов. – Волгоград, 1989. – С. 80-103.